

ДАША МИЛОНОВА

A woman with long brown hair, wearing a dark red blazer, stands in the foreground. Behind her, a man with short dark hair, wearing a dark suit, stands with his hands in his pockets. They are on a city street at night, with modern buildings and a car visible in the background.

РАЗВОД В 43.
МОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
МЛАДШЕ МЕНЯ

Даша Милонова

**Развод в 43. Мой
телохранитель младше меня**

«Автор»

2026

Милонова Д.

Развод в 43. Мой телохранитель младше меня / Д. Милонова —
«Автор», 2026

В сорок три я поставила подпись под разводом и впервые за восемнадцать лет выбрала собственную жизнь. В тот же день мне подбросили фотографию с требованием отказаться от дела, в котором слишком много денег и слишком мало честных документов. Теперь рядом со мной круглые сутки Артем Рязанов — телохранитель на восемь лет младше. Спокойный, внимательный и невыносимо уверенный, что мое упрямство однажды поможет тому, кто за мной следит. Я привыкла защищать клиентов в суде, сама принимать решения и никому не быть обязанной. Но угрозы становятся опаснее, и в одиночку мне уже не справиться. Мы приближаемся к человеку, готовому разрушить чужой бизнес и мою жизнь. А вместе с этим нарушаем единственное правило, которое оба считали нерушимым: пока Артем отвечает за мою безопасность, между нами не может быть ничего личного. После развода я научилась не отдавать другим право решать за меня. Осталось понять, можно ли довериться мужчине — и при этом снова не потерять себя.

© Милонова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Свидетельство о разводе	5
ГЛАВА 2. Человек у двери	11
ГЛАВА 3. Правила безопасности	16
ГЛАВА 4. Запрет на продажу	21
ГЛАВА 5. Общий доступ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Даша Милонова

Развод в 43. Мой телохранитель младше меня

ГЛАВА 1. Свидетельство о разводе

Сотрудница загса спросила, оставляю ли я фамилию мужа, и впервые за весь месяц подготовки к разводу я растерялась.

В заявлении этот пункт уже был заполнен. Лаврова. Олег сидел справа от меня, положив ладони на колени, и смотрел на табличку с графиком приема. За восемнадцать лет я научилась различать его способы молчать. Сейчас он не сердился и не надеялся, что я передумаю. Он просто ждал, что я отвечу первой, как отвечала за нас во всех неудобных местах: у врача, в банке, перед родителями.

— Оставляю, — сказала я.

Женщина за столом поставила отметку и повернула к нам два экземпляра свидетельства.

— Проверьте данные.

Я проверила. Ксения Андреевна Лаврова, дата рождения, место рождения, запись акта. В документах всегда было утешительное свойство: их можно вычитать. Ошибка либо есть, либо ее нет. С браком так не получилось.

Олег расписался первым. Ручку он принес свою, металлическую, подаренную мной на десятилетие нашей свадьбы. Я узнала царапину возле зажима и подумала, что могла бы рассказать историю почти каждой его вещи. Эта привычка не давала права продолжать жить вместе.

Мы вышли на улицу в половине десятого. Ночью подморозило, ступени блестели, и Олег придержал дверь, пока я убирала свидетельство в жесткую папку.

— Подвезти? — спросил он.

— Я на машине.

— Конечно.

Раньше в этом слове прозвучала бы претензия: конечно, ты все организовала сама. Теперь оно осталось обычным подтверждением факта.

Он застегнул пальто. В ноябре ему предстояло уехать в Красноярск, где компания строила новый терминал. Контракт был рассчитан на три года. Весной Олег положил его на наш кухонный стол и сказал: «Нам дают хороший шанс». Через десять минут выяснилось, что шанс давали ему, а от меня ожидали, что я закрою практику в Екатеринбурге и начну заново там, где у меня не было ни клиентов, ни команды.

Я тогда спросила, почему он решил за двоих. Он искренне удивился.

— По квартире риелтор прислал новый список документов, — сказал Олег. — Я перешлю. Покупатели хотят выйти на сделку до конца месяца.

— Пусть направит все Наталье. Она ведет расчеты.

— Ксюш, мы можем подписать и без отдельного юриста.

— Можем. Но не будем.

Он потер переносицу, как делал, когда считал мою осторожность избыточной.

— У нас нет спора.

— Поэтому и не появится. Наталья проверит расчеты, нотариус — соглашение. Ты получишь свою половину, я свою.

— Я не собираюсь тебя обманывать.

— Я знаю.

Олег посмотрел на меня внимательнее.

— Тогда почему все должно проходить так, будто мы противники?

— Потому что ясный порядок нужен не только противникам.

Он убрал руки в карманы. За его плечом женщина в длинном пуховике фотографировала мужа у вывески загса. Они смеялись, спорили, куда положить букет. Я не отвела глаза. Чужая свадьба не была комментарием к моему разводу.

— Когда ты решила, что со мной надо разговаривать только через документы? — спросил Олег.

— Когда поняла, что в разговоре ты слышишь согласие раньше ответа.

Он мог возразить. Вместо этого посмотрел на свои ботинки и сдвинул носком ледяную крошку со ступени.

— Я правда думал, что ты поедешь.

— Я знаю.

— И до сих пор не понимаю, почему ты даже не попробовала.

— Потому что восемнадцать лет пробовала я. Теперь была твоя очередь спросить, чего хочу я.

Это не была реплика, которую я носила в себе до подходящего случая. Я сформулировала ее только сейчас и не почувствовала облегчения. Олег принял ее без защиты, и от этого стало труднее.

— Береги себя, — сказал он.

— Ты тоже.

Мы разошлись к разным парковкам. Я села за руль, положила папку на пассажирское сиденье и открыла рабочий календарь. В десять тридцать меня ждала Мария Корнеева. В одиннадцать — совещание по строительному спору. После обеда нужно было закончить отзыв и позвонить оценщику. День оставался моим независимо от строки в реестре актов гражданского состояния.

На светофоре пришло сообщение от Олега: «Список переслал. Извини, что снова сказал за нас».

Я прочитала его дважды. Ответила: «Получила. Спасибо».

Для сегодняшнего утра этого было достаточно.

В бюро я приехала без пяти десять. Наш офис занимал половину седьмого этажа делового центра возле набережной. Стекланные перегородки, светлые стены, два ряда шкафов с бумажными архивами — Алла Борисовна соглашалась на электронный документооборот, но доверяла ему только после резервной копии.

Секретарь Лена протянула мне стакан кофе.

— Поздравлять или сочувствовать?

— Запиши в табель, что сотрудник вернулся из государственного учреждения без опоздания.

Она улыбнулась, потом осторожно коснулась моей руки.

— Если понадобится поговорить, я рядом.

— Спасибо. Мария приехала?

— Ждет в третьей переговорной. С ней мужчина из юридического отдела компании. Сказал, что его прислал Игорь Сергеевич.

Я поставила кофе на стойку.

— Мария предупредила?

— Нет. Я посадила его отдельно. Он недоволен.

— Значит, утро складывается удачно.

Мария стояла у окна, листая распечатку. В октябре ей исполнилось тридцать девять. Она носила короткую стрижку, удобные костюмы и умела за минуту объяснить, почему грузовик

опоздает на разгрузку. Последние две недели она говорила так, будто за любое лишнее слово с нее спишут деньги.

— Они прислали окончательный вариант, — сказала она вместо приветствия. — Игорь дает мне квартиру на Белинского, двадцать семь миллионов и мою машину. Я выхожу из компании, больше ни на что не претендую. Сегодня подписываем, завтра он отзывает заявление в полицию по поводу перевода.

— Какого заявления?

Мария отвела глаза к окну.

— Он пока только грозит. Можно сначала прочитать?

— Именно это мы и сделаем. Кто в соседней комнате?

— Шумилов. Юрист компании. Игорь решил, что так быстрее.

Я села напротив и подвинула к себе проект. На титульном листе стояло «Соглашение об урегулировании имущественных и корпоративных разногласий». Девятнадцать страниц мелкого текста, три приложения, срок акцепта до восемнадцати часов.

— Вы просили его приехать?

— Нет.

— Тогда он подождет в холле или уедет. Разговор с вами конфиденциальный.

Мария теребила край манжеты.

— Ксения Андреевна, я устала. Мне уже все равно, сколько на самом деле стоит моя доля.

— Вам может быть все равно на сумму. На обязательства, которые останутся после подписи, лучше посмотреть.

— Какие обязательства?

Я открыла приложение номер два. В первом разделе перечислялось имущество. Во втором — обязательства сторон, включая поручительство Марии по займам группы компаний. Суммы были вынесены в отдельный реестр, которого в комплекте не оказалось.

— Где приложение четыре?

— Здесь только три.

— В пункте восемь семь есть ссылка на четвертое.

Она быстро перелистала страницы.

— Может, забыли приложить.

— Может. А может, хотят, чтобы вы подтвердили долг, не увидев его размер.

Я нажала кнопку внутренней связи.

— Лена, попроси господина Шумилова передать полный комплект, включая приложение четыре. В переговорную его не приглашай.

Мария опустила на стул.

— Игорь сказал, что я получу чистые деньги.

— В пункте двенадцать три написано другое. Выплата уменьшается на сумму ваших обязательств перед обществом и связанными лицами.

— Я ничего им не должна.

— Тогда выясним, откуда взялась формулировка.

Она сжала ладони.

— Вы сегодня сами развелись, да?

Я закрыла документ на нужной странице пальцем.

— Да.

— Простите. Я не хотела лезть. Просто Лена сказала, что вы из загса.

— Ничего страшного.

— И вы можете сейчас читать это спокойно?

— Могу читать внимательно. Спокойствие не входит в договор об оказании помощи.

Мария коротко рассмеялась. Смех сразу оборвался, но ее плечи немного опустились.

Лена принесла конверт. В приложении четыре значились два займа. Один, на сорок восемь миллионов рублей, был выдан компании «Северный маршрут» обществом «Вектор Лизинг». Мария проходила по документам поручителем. Второй относился к кредиту на обновление автопарка и выглядел обычным.

Я записала реквизиты первого договора.

— Вам знаком «Вектор Лизинг»?

— Игорь что-то покупал через них. Прицепы, кажется.

— Договор поручительства подписывали?

— Я подписывала пакет перед банком в июне. Там было много бумаг.

— Это не ответ.

— Не помню.

— Копии у вас есть?

— Нет.

За стеклянной стеной переговорной прошел Шумилов. Остановился, увидев, что я смотрю, и показал на часы.

Я вышла к нему.

— Андрей Львович, доверительница не готова подписывать документ.

— Срок предложения истекает сегодня. Игорь Сергеевич пошел на серьезные уступки.

— В комплекте отсутствовал реестр обязательств. Это не ускоряет переговоры.

— Техническая ошибка.

— Разумеется. Пришлите договор займа, поручительство, подтверждение выдачи и расходования средств, а также сведения об аффилированности «Вектор Лизинга».

Шумилов поправил узел галстука.

— Вы превращаете семейный спор в корпоративную проверку.

— В соглашении указано корпоративное обязательство на сорок восемь миллионов. Его туда внесли не мы.

— Если Мария Викторовна откажется, предложение будет отозвано.

— Это решение вашей стороны.

Он посмотрел на дверь переговорной.

— Вы оказываете ей плохую услугу. Иногда человеку нужен выход, а не еще один процесс.

— Тогда предложите выход без нераскрытых долгов.

Шумилов ушел, не попрощавшись. Я вернулась к Марии.

— Сегодня ничего не подписываем. Мне нужны бухгалтерские документы, устав, список участников, выписки по объектам и все, что у вас сохранилось по июньскому пакету.

— Игорь закроет мне доступ.

— Используйте только то, к чему у вас есть законный доступ сейчас. Ничего не копируйте тайком и не просите сотрудников нарушать правила.

— Он успеет продать склад.

— Склад принадлежит компании или вам с Игорем?

— Земля и здание на обществе. Но есть еще право аренды соседнего участка. Мы собирались расширяться.

— Кто принимает решение о продаже?

— Формально Игорь как директор. По крупным сделкам требуется согласие участников, но он раздробит договоры, если захочет.

Я открыла новый файл и начала составлять перечень. Для обеспечительных мер требовалось показать реальный риск распоряжения активом и связь с требованиями Марии. Одной тревоги было мало.

— Мне понадобится оценщик и доказательства подготовки сделки, — сказала я. — Есть покупатель, переговоры, проект договора?

Мария помедлила.

— Я слышала разговор. Игорь говорил про предложение, которое действует до декабря.

— Кому говорил?

— Денису Хромову. Он руководит безопасностью. Я вошла в кабинет, они замолчали.

— Когда?

— В конце сентября.

— Кто еще может подтвердить?

— Надежда Белова. Бывший финансовый директор. Ее уволили неделю спустя.

Я записала имя.

— Вы с ней связывались?

— Она не отвечает.

— Не давите. Я подготовлю официальный запрос и решу, как выйти на контакт.

Мария посмотрела на часы.

— Значит, мы отказываемся?

— Вы отказываетесь от этого варианта. Я проверяю долг и готовлю иск. Решение остается вашим.

— А вы что бы сделали на моем месте?

Сегодня этот вопрос звучал особенно неуместно.

— Я бы не подписывала обязательство, которого не понимаю. Остальное зависит от того, чего хотите вы.

— Я хочу, чтобы он перестал решать, сколько из моей работы принадлежит мне.

— Тогда начнем с документов.

Мы работали почти два часа. Мария передала доступные ей выписки и переписку, подписала доверенность на представительство. Я назначила встречу с оценщиком и предупредила Аллу Борисовну, что до вечера займусь новым иском.

К четырем часам в офисе стало тише. Мария уехала через центральный вход. Шумилов больше не появлялся. Я закончила проект заявления, сохранила его в защищенной папке и наконец открыла кофе, который Лена поставила рядом. Он давно остыл. Я выпила несколько глотков и поморщилась.

Алла Борисовна вошла без стука, села напротив и посмотрела на папку из загса, лежавшую возле ноутбука.

— Домой сегодня поедешь вовремя.

— Это распоряжение старшего партнера или забота?

— Попытка не потерять ценного сотрудника. Как прошло?

— Без сцены. Мы получили документы.

— А ты?

— И я получила.

Она дождалась продолжения. Не получив, забрала у меня проект соглашения Корнеевых.

— Сорок восемь миллионов без приложения?

— Приложение принесли после требования. Договора нет. Есть признаки подготовки продажи склада и аффилированный кредитор.

— Обеспечение?

— Подам завтра, если оценщик подтвердит диапазон и Мария даст документы по активам.

— Хорошо. Только не путай скорость с качеством.

— Я никогда не путаю.

Алла Борисовна посмотрела на нетронутый обед в бумажном пакете.

— Конечно.

В половине седьмого я закрыла ноутбук. Лена уже ушла, в приемной горела одна лампа. Я собрала документы Марии в серую папку, свидетельство о разводе — в синюю, надела пальто и вызвала лифт.

На первом этаже охранник разговаривал по телефону. Турникет пропустил меня после второго касания карты. Я вышла через вращающуюся дверь и дошла до машины. На стекле со стороны пассажира ничего не было, но щетка лежала выше, чем утром.

Я открыла дверь, собираясь положить рабочую сумку на заднее сиденье, и увидела белый конверт на переднем пассажирском. Утром сиденье было пустым.

Без марки, без имени. Я точно не клала его туда.

Дверь осталась открытой. Я оглянулась на вход в деловой центр, на камеры над козырьком, на ряд припаркованных машин. Мужчина у такси курил, водитель фургона проверял колесо, две девушки спорили возле шлагбаума. Никто не смотрел в мою сторону дольше обычного.

Одна сторона конверта была прозрачной. Сквозь нее я смогла рассмотреть фотографию, не прикасаясь к находке.

Фотография была сделана утром. Я стояла на ступенях загса, а Олег придерживал дверь. В нижнем углу значилось время: 09:34.

Ниже окна на конверте печатными буквами написали:

«ОТКАЖИТЕСЬ ОТ КОРНЕЕВОЙ ДО ПЯТНИЦЫ».

Доверенность Мария подписала в двенадцать сорок семь.

Утром я еще не была ее представителем.

ГЛАВА 2. Человек у двери

Я закрыла машину, оставив конверт на пассажирском сиденье, и позвонила по номеру 112.

Оператор спросила адрес, уточнила, есть ли рядом человек, который может угрожать, и велела отойти в освещенное место. Я вернулась к стеклянным дверям делового центра. Охранник на стойке наконец заметил меня и вышел на улицу.

— Что случилось?

— В машину проникли. Ничего не трогайте, полиция едет. Кто сегодня смотрел камеры парковки?

— У нас камеры на въезде и фасаде. Парковка общая, там управляющая компания.

— Позвоните дежурному инженеру. Пусть не перезаписывают архив за девять часов утра и с пяти вечера.

Он хотел спросить, на каком основании я распоряжаюсь, но увидел мое удостоверение адвоката и передумал. Пока он звонил, я набрала Аллу Борисовну.

— Ты уже дома? — спросила она.

— Нет. В моей машине оставили угрозу по делу Корнеевой. Я вызвала полицию.

Молчание длилось секунду.

— Где ты?

— У центрального входа. Охрана здания рядом.

— Оставайся там. Я возвращаюсь.

— Не нужно.

— Ксения, сейчас не время упражняться в самостоятельности.

Она отключилась.

Я посмотрела на свою машину через стекло. Белый конверт был виден за лобовым стеклом. Обычная канцелярская вещь, которую можно купить в любом магазине. Угроза не становилась убедительнее от бумаги. Убедительным было другое: кто-то открыл запертую машину в рабочий день, положил конверт на сиденье и ушел мимо камер.

Патруль приехал через двенадцать минут. Молодой сотрудник попросил меня подробно рассказать, когда я видела автомобиль в последний раз, кто мог иметь второй ключ, не перевозила ли я конверт сама. Его вопросы не были недоверием лично ко мне. Он исключал простые версии, и я отвечала без раздражения.

Второй сотрудник оградил место возле машины и вызвал следственно-оперативную группу. Я назвала людей, находившихся в офисе, и показала сообщение от Олега, чтобы время нашего утреннего разговора можно было проверить.

Алла Борисовна появилась в половине восьмого. На ней было то же темно-синее пальто, но вместо рабочих туфель — кроссовки. Она оценивала серьезность событий по обуви: если приезжала без каблуков, спорить было бесполезно.

— Мария знает? — спросила она.

— Пока нет.

— Сообщи после полиции. Не по телефону подробности.

— У нее нет охраны.

— Поэтому сообщи и выясни, где она. Я уже позвонила в «Рубеж».

— В охранную компанию?

— Да.

— Алла Борисовна, мы еще не знаем, что это связано с делом.

Она посмотрела на фотографию, которую специалист снимал через открытое стекло.

— Там написана фамилия твоей доверительницы.

- Это может быть попытка напугать без реального намерения.
- Для оценки намерения существуют люди, которые этим занимаются.
- Я не нуждаюсь в телохранителе из-за одной записки.
- Ты нуждаешься в оценке риска. Дальше решим.

Я собиралась возразить, но специалист открыл машину и упаковал конверт. На замках и стеклах не было видимых повреждений. Человек мог испортить автомобиль или дожидаться меня возле него. Вместо этого он выбрал демонстрацию доступа.

- Хорошо, — сказала я. — Оценка.

Следователь районного отдела приехал ближе к девяти. Его звали Кирилл Олегович Сафин. Он был примерно моего возраста или немного младше, говорил без суеты и не обещал найти виновного к утру.

— У вас есть основания считать, что супруг доверительницы способен организовать подобное? — спросил он после осмотра.

— У меня есть основания считать, что ему выгоден мой отказ. Это не доказательство организации угрозы.

- Конфликты с другими клиентами?
- Споры есть всегда. Адресных угроз не было.
- Бывший муж?
- Сегодня мы расторгли брак. Мирно. Он не знал о встрече с Корнеевой.

Сафин записал его данные, потом попросил список сотрудников бюро, доступ к календарю и сведения о сигнализации машины. Я не возражала. К одиннадцати вечера у меня взяли объяснение, выдали талон-уведомление и разрешили забрать личные вещи. Машину оставили на месте до завершения осмотра, а потом рекомендовали не пользоваться ею, пока сервис не проверит замки и электронную систему.

Мария ответила на четвертый звонок.

- Я дома, — сказала она. — Одна. Что произошло?
- Вы никому сегодня не сообщали, что я беру дело?
- Только сестре. Игорю сказала, что не подпишу. Он понял почему.
- Кто знал о нашей утренней встрече?
- Я записала ее в общий календарь еще на прошлой неделе. Секретарь знала, Шумилов.

Игорь точно знал.

- Календарь общий с кем?
- С моим помощником. Наверное.
- Не меняйте ничего сейчас. Завтра проверим настройки. Сегодня закройте двери, никого не впускайте и позвоните сестре. Если заметите машину или человека возле дома, звоните в полицию, потом мне.

— Вы меня пугаете.

— Я сообщаю порядок действий. В моей машине оставили фотографию и требование отказать от вашего дела.

Она замолчала.

- Игорь не стал бы.
- Я не сказала, что это он.
- У него бывают ужасные методы в переговорах, но он не преступник.
- До проверки мы не делаем выводов ни в одну сторону.
- Вы откажетесь от меня?

Я посмотрела на Аллу Борисовну. Она стояла у стойки охраны и просматривала договор, присланный на планшет.

- Нет, — ответила я. — Но завтра мы еще раз обсудим все, что вы могли не рассказать. Алла Борисовна подняла глаза, услышав мое решение, и ничего не сказала.

Сотрудник «Рубежа» приехал в двадцать три двадцать. Я ожидала мужчину в черном костюме, который начнет смотреть на всех как на подозреваемых и потребует отдать ему ключи. Вместо этого к стойке подошел человек в темной куртке, обычных брюках и ботинках без заметных марок. Он был выше меня, подтянут, двигался быстро, но не торопливо. Короткие темные волосы, серые глаза, небольшая светлая отметина у правой брови. Я отметила это один раз и вернулась к документам.

— Артем Рязанов, — представился он. — Руководитель дневной смены. Кто заказчик по договору?

— Бюро, — ответила Алла Борисовна. — Охраняемое лицо — Ксения Лаврова.

Он посмотрел на меня.

— Можно на «Ксения Андреевна» или без отчества?

— Ксения. Но договор пока на оценку риска, а не на постоянную охрану.

— Понял.

Никакого «вам виднее» или попытки успокоить. Он спросил разрешения осмотреть мою сумку снаружи, проверил у полиции, можно ли подойти к автомобилю, записал номера камер и поговорил с начальником смены делового центра. Делал только то, что имел право делать. Это располагало больше любых заверений.

— Где вы планировали ночевать? — спросил он через десять минут.

— Дома.

— Адрес знает бывший муж, сотрудники бюро, клиенты?

— Бывший муж там прописан до конца месяца. Сотрудники знают район. Клиентам адрес не сообщаю.

— Дом с консьержем?

— Закрытый двор, камеры, домофон.

— Доступ к камерам у управляющей компании. Есть второй въезд?

— Есть.

Он поставил отметку в планшете.

— На сегодня предлагаю машину сопровождения и проверку подъезда перед входом. Один сотрудник останется снаружи до утра. Завтра в восемь оценим маршруты и цифровые риски.

— Нет.

Артем поднял голову.

— Что именно?

— Сотрудник под окнами до утра. Это избыточно.

— Возможно. Мне нужны три ответа. Тот, кто оставил конверт, открыл машину без повреждений. Он знал ваш маршрут утром. Он выбрал время, когда вы были в офисе. Какой из этих фактов снижает риск у дома?

— Ни один. Но круглосуточное наблюдение за мной тоже требует основания.

— Сотрудник наблюдает за входом и прилегающей зоной, а не за вами. В квартиру он не входит. Если хотите отказаться, я зафиксирую решение.

Он не давил голосом. Просто оставил мне выбор вместе с последствиями. От этого отказ стал менее привлекательным.

— Сколько времени вам нужно на первичную оценку?

— До завтрашнего вечера. Если найдем повторное наблюдение или новые угрозы, рекомендуем семьдесят два часа усиленного режима. Потом пересмотрим.

— Что означает усиленный режим?

— Согласованный маршрут, машина компании, сопровождение на открытых участках, проверка мест до вашего прибытия. Никакого доступа к переписке и клиентским материалам. Телефон проверит технический специалист только с вашего письменного согласия и при вас.

— А если я меняю планы?

— Сообщаете диспетчеру. Мы предлагаем безопасный вариант.

— Предлагаете или отменяете?

— При непосредственной угрозе я могу вывести вас из зоны риска без предварительного обсуждения. В остальных случаях предлагаю.

— Это надо записать в приложении к договору.

Уголок его рта сдвинулся, но улыбкой это не стало.

— Я так и планировал.

Алла Борисовна закрыла планшет.

— Вы двое можете согласовывать формулировки в машине. Мне надо завтра вести заседание в девять, а сейчас половина двенадцатого.

— Я вызову такси, — сказала я.

— Машина уже здесь, — ответил Артем.

— Я не соглашалась на поездку.

— Пока нет. Водитель ждет решения.

Он раздражал меня аккуратностью. Я не могла обвинить его в том, чего он еще не сделал.

Мы вышли через служебный вход, потому что центральная парковка оставалась местом осмотра. Перед дверью Артем попросил подождать, вышел первым и вернулся через минуту. Рядом стоял темный универсал. За рулем была женщина лет сорока с собранными волосами.

— Ирина, ночная смена, — представил ее Артем. — Я поеду впереди с водителем. Она доставит вас домой.

— Вы не садитесь со мной?

— Сейчас нет необходимости. Перед вашим домом моя машина проверит двор и въезд.

Я устроилась сзади. Алла Борисовна поехала на такси, отказавшись от сопровождения. Ирина не пыталась поддерживать разговор. Она уточнила, удобно ли закрыто окно, и включила навигатор без звука.

Перед подъездом Артем уже ждал возле калитки. Он проверил вход вместе с консьержем, поднялся до моего этажа на другом лифте и остановился перед дверью, пока я отпирала замок.

— Следов нет, — сказал он. — Камеры работают. Охрана останется в машине во дворе. В восемь пятнадцать я буду у входа.

— В девять мне в бюро.

— Дорога обычно занимает двадцать минут. Завтра заложим сорок и сменим привычный выезд.

— Я еще не подписала семьдесят два часа.

— Тогда в восемь пятнадцать приеду за ответом.

Я вошла в квартиру и заперла дверь. Олег вывез вещи две недели назад. В прихожей остались пустые крючки, на кухне — одна кружка из комплекта, который он забрал не полностью. Я поставила сумку на стул и впервые за день позволила себе постоять без задачи.

Свидетельство о разводе находилось в пакете, который полиция вернула после осмотра. Угроза — в другом пакете, уже в отделе. В один день моя жизнь разделилась на два дела, и оба требовали действий утром.

Я проверила замки, закрыла шторы, написала Алле Борисовне, что дома, и легла после часа. Сон приходил короткими отрезками. Дважды я вставала к окну, но машину охраны со двора не видела. Ирина выбрала место, откуда можно было наблюдать за въездом, не светясь под моими окнами.

В восемь десять Артем прислал сообщение: «Я у входа. Не выходите, пока не позвоню».

Через две минуты он набрал меня.

— Можно спускаться. Возьмите только то, что понадобится сегодня.

— Мой ноутбук и документы остались в бюро.

— Хорошо.

Во дворе было холоднее, чем накануне. Ирина передала смену мужчине по имени Максим. Артем открыл мне заднюю дверь, дождался, когда я сяду, и устроился впереди.

— Договор, — напомнила я.

Он передал планшет. В приложении были записаны предложенные меры, срок до пятницы и отдельный пункт: «За пределами непосредственной угрозы охраняемое лицо сохраняет выбор из предложенных безопасных вариантов».

— Формулировка расплывчатая, — сказала я.

— Предложите точнее.

Я заменила «непосредственной» на «явной и требующей немедленного реагирования», добавила обязанность сообщать причину изменения маршрута, если это не раскрывает данные третьих лиц. Артем прочитал правки.

— Принимается.

— Без спора?

— Вы уточнили порядок. Риск не вырос.

Я подписала приложение электронной подписью.

Мы тронулись. Максим вел, Артем следил за зеркалами и иногда говорил водителю короткие указания. На первом перекрестке он попросил повернуть раньше обычного. На следующем — вернуться на параллельную улицу.

— Проверяете, есть ли хвост? — спросила я.

— Да.

— И?

— Пока не уверен.

У бюро мы вошли через подземный паркинг. Артем проводил меня до двери офиса, проверил коридор и остановился у приемной.

— Мне нужен список встреч и доступных входов. Без имен клиентов, если они не связаны с риском.

— Подготовлю.

— И еще одно.

Он показал фотографию на экране своего телефона. Серый кроссовер стоял через дорогу от моего дома. Второй снимок был сделан двадцать минут назад у въезда в деловой центр.

— Один автомобиль? — спросила я.

— Совпадают модель, повреждение на левом крыле и наклейка на заднем стекле. Номер читается частично.

Я увеличила изображение. Табличка выглядела заляпанной после мокрой дороги, хотя ночь была сухой. Грязь закрывала только цифры. Рамка и белый край оставались чистыми.

— Его испачкали специально, — сказала я.

— Похоже на то. Поэтому режим на семьдесят два часа уже не выглядит избыточным.

Я вернула ему телефон.

— До пятницы. Потом обсуждаем заново.

— Договорились.

За стеклом серый кроссовер медленно проехал мимо входа и скрылся за углом.

ГЛАВА 3. Правила безопасности

В девять пятнадцать Артем переставил стул в моей приемной так, чтобы видеть дверь и отражение коридора в стеклянной перегородке. Лена дважды обошла его с папками, на третий раз остановилась.

— Если вы собираетесь здесь жить, я закажу вторую вешалку.

— До пятницы обойдусь стулом, — ответил он.

— Все так говорят.

Она ушла к принтеру. Артем отметил что-то в планшете.

— Не записывайте шутки моих сотрудников в отчет, — сказала я.

— Записываю время прибытия посетителя.

Из лифта вышла Мария. На ней был пуховик поверх делового костюма, в руках — сумка с ноутбуком. Она увидела Артема и остановилась раньше, чем открылась дверь бюро.

— Это из-за вчерашнего?

— Да. Проходите.

В переговорной Мария поставила сумку на стол и посмотрела на меня так, будто ожидала вопроса.

— Я всю ночь вспоминала, кто мог знать. Помощник, Шумилов, Игорь, сестра. Еще бухгалтерия, потому что я просила выгрузку.

— Начнем не со списка. Вчера вы упомянули заявление по поводу перевода. Что произошло?

Она открыла ноутбук, но не включила.

— После того как я ушла из дома, Игорь заблокировал корпоративную карту. Мне нужно было внести задаток за склад, чтобы сохранить работу с частью клиентов. Я перевела деньги на счет нового арендодателя.

— Сколько?

— Пять миллионов.

— От имени компании?

— Да.

— Кто подписал платеж?

— Я. У меня тогда еще был доступ.

Я взяла ручку и записала сумму. Пять миллионов не делали Марию преступницей автоматически. Но скрытый перевод позволял Игорю представить ее человеком, который выводит деньги, пока обвиняет в том же мужа.

— Договор аренды заключен?

— Предварительный. На общество, которое зарегистрировала моя сестра.

— То есть деньги компании ушли на обязательство другого юридического лица.

— Я собиралась вернуть, когда Игорь выплатит мою долю.

— Он не выплатил.

— Поэтому и не вернула.

— Почему вчера вы не назвали сумму и получателя?

— Потому что вы бы отказались.

— Я могу отказаться сейчас.

Мария подняла голову.

— Вы серьезно?

— Я серьезно отношусь к сведениям, которые доверитель сообщает адвокату. Если вы хотите, чтобы я защищала удобную версию, ищите другого представителя.

— Игорь украл у меня половину жизни и бизнеса. А вы говорите о моих пяти миллионах так, будто это одно и то же.

— Я не говорю, что это одно и то же. Я говорю, что суд увидит оба действия. Нам придется объяснить ваше, подтвердить назначение денег и предложить способ исправить ситуацию.

— Вернуть их сейчас я не могу.

— Тогда покажите договор, выписку и переписку с арендодателем. До этого факта в иске не будет утверждений, которые он опровергает.

Она откинулась на спинку стула.

— Я думала, вы поймете. После своего развода.

— Именно после своего развода я хорошо понимаю цену решений, принятых вместо другого человека. Компания пока принадлежит не только вам.

Мария закрыла глаза на несколько секунд. Когда снова посмотрела на меня, обида осталась, но голос стал деловым.

— Документы пришлю сегодня. Что вы успели подготовить?

Я повернула к ней экран. В иске мы требовали признать долю в стоимости бизнеса общим имуществом, определить компенсацию после оценки и запретить до разрешения спора отчуждать права на основной склад и долю Игоря в операционной компании. В отдельном заявлении перечислялись признаки подготовки сделок: срочное соглашение, сведения о предложении покупателя, долг перед возможным аффилированным лицом.

— Суд может отказать, — сказала я. — Мы пока не подтвердили предложение по складу документом. Просим только то, что связано с предметом спора и не остановит обычную работу компании.

— А грузовики?

— На них запрет не просим. Иначе вы сами лишите бизнес дохода.

— Игорь скажет, что я мешаю работе.

— Он скажет. Поэтому каждое ограничение должно иметь объяснение.

Лена постучала и передала визитку. Андрей Шумилов ждал в приемной и требовал поговорить до подачи иска.

— Вы хотите его принять? — спросила я Марию.

— Нет.

— Тогда приму одна. Артем останется у двери.

— Он слышит разговоры?

— Нет. И не получает доступ к материалам дела.

Артем проводил Марию в мой кабинет, проверив, что из внутренней комнаты есть второй выход. Шумилова я приняла в маленькой переговорной без окон. Он положил на стол письменное уведомление об отзыве предложения.

— Ваша доверительница выбрала конфликт, — сказал он.

— Она выбрала не принимать неизвестные обязательства.

— Договор поручительства подписан лично. Вы ставите под сомнение ее дееспособность?

— Я запрашиваю копию и доказательства выдачи займа.

— Получите в процессе, если процесс начнется.

— Он начнется сегодня.

Шумилов поправил манжету. Он делал это перед формулировками, которые считал особенно сильными.

— Тогда предупреждаю: компания обратится с заявлением по факту вывода пяти миллионов. Если вы включите заведомо неполные сведения в документы, мы поставим вопрос о вашей профессиональной ответственности.

Значит, Мария рассказала правду хотя бы в том, что Игорь знал о переводе.

— Спасибо, что подтвердили наличие спора по операции. Мы раскроем ее в надлежащем объеме.

— Вы хотите добровольно ухудшить позицию?

— Я хочу, чтобы суд получил сведения от нас, а не в форме вашего эффектного разоблачения.

Он задержал взгляд на двери, за которой стоял Артем.

— Теперь у вас охрана?

— Это не относится к предмету разговора.

— Игорь Сергеевич не имеет отношения к вчерашней записке.

Я не упоминала записку.

— Откуда вы о ней знаете?

Шумилов не стал притворяться удивленным.

— Мария сообщила мужу. Он обеспокоен тем, что семейный спор привлекает людей с сомнительными методами.

— Передайте ему, что объяснения он сможет дать полиции, если его пригласят.

— Он готов сотрудничать.

— Тогда начните с документов по «Вектор Лизингу».

После его ухода Артем дождался, пока я закрою дверь кабинета.

— Он угрожал?

— Озвучил процессуальные намерения. Это часть работы.

— Откуда он знал о записке?

— По его словам, от Марии через Игоря.

— Проверите?

— Да.

Он положил на мой стол распечатанное приложение к договору с моими вчерашними правками.

— Подпись бюро уже есть. Нужна ваша на бумаге.

Я прочитала четыре страницы. В разделе о маршрутах появилось новое предложение: охраняемое лицо сообщает план не позднее чем за два часа, если встреча не срочная.

— Два часа не всегда возможно.

— Тогда звонок диспетчеру сразу после решения. Нам нужно проверить место и подъезды.

— Без передачи имен клиентов.

— Достаточно адреса, времени и количества сопровождающих.

— При изменении маршрута вы сначала сообщаете причину и предлагаете минимум два варианта, если нет явной угрозы.

— Если существует только один безопасный вариант, я так и скажу.

— Решение все равно мое.

— За пределами явной угрозы — да.

Я внесла фразу от руки и подписала. Артем поставил подпись рядом как ответственный сотрудник.

— Теперь расписание, — сказал он.

— В одиннадцать тридцать оценщик на Куйбышева. В два часа подача документов через систему. В четыре встреча с Марией здесь.

— Оценщик знает, что вы приедете лично?

— Его помощница. Мария. Лена.

— В календаре встреча есть?

— Да, без фамилии клиента.

— Доступ к календарю?

— У меня, Лены и Аллы Борисовны. Системный администратор может восстановить данные, но не читает их без заявки.

— Проверим журналы входа с вашим администратором. Сегодня ничего не меняем до копии данных.

В одиннадцать мы спустились на парковку. Максим ждал в машине. Артем открыл заднюю дверь и передал мне маленькую кнопку вызова.

— Держите в кармане пальто. Нажать дважды, если потеряете нас в помещении или не сможете говорить.

— Вы будете в соседней комнате.

— Именно поэтому кнопка нужна, а не потому, что я далеко.

В машине я открыла ноутбук и закончила правки к заявлению. Артем один раз попросил прикрыть экран, когда рядом остановился высокий автобус. Причину объяснил сразу, и я выполнила просьбу без спора.

Оценщик занимал кабинет на третьем этаже старого административного здания. Его помощница принесла планы склада, выписки из реестра и предварительную справку по рынку. Основной объект стоил не меньше ста восьмидесяти миллионов без учета соседнего участка. Если предложение покупателя существовало, Игорь мог попытаться провести сделку через долг или цепочку договоров.

— Для суда мне нужен отчет, а не устная оценка, — сказала я.

— Пять рабочих дней, если получим техническую документацию, — ответил оценщик.

— Без осмотра объекта будет диапазон и ограничения.

— Начинайте с доступного. Запрос на осмотр направим директору официально.

Артем ждал в коридоре. Когда я вышла, он стоял у окна и говорил с Максимом по гарнитуре.

— Меняем выход, — сказал он мне. — Через лестницу во двор.

— Причина?

— Серый кроссовер встал напротив центрального входа десять минут назад. Максим видел водителя вчера у вашего дома.

— Есть второй вариант?

— Подождать здесь, пока полиция или наша вторая машина проверит автомобиль. Это займет не меньше сорока минут. Либо выйти через двор сейчас, сесть в машину на соседней улице и вернуться в бюро.

Я посмотрела на часы. Электронная подача не требовала моего присутствия в офисе, но документы Марии ждали проверки.

— Идем через двор.

Лестница вывела к хозяйственному въезду. Максим подъехал через три минуты. Артем сначала осмотрел салон, потом посадил меня. Мы выехали на Куйбышева, свернули к набережной и дважды сменили полосу. Кроссовер за нами не появился.

— Его номер удалось снять? — спросила я.

— Часть. Передам Сафину вместе с записью регистратора.

— Вы можете установить владельца сами?

— Нет. И не стану просить знакомых нарушать доступ к базам.

Ответ прозвучал без геройства. Мне было приятно услышать именно его.

В бюро Мария уже ждала. Она принесла договор предварительной аренды и платежное поручение. Деньги ушли на счет общества ее сестры. Срок возврата в договоре отсутствовал.

— Это хуже, чем вы описали, — сказала я.

— Но склад настоящий. Мы туда перевезли часть оборудования.

— Компания дала согласие?

— Игорь знал, что я ищу площадку.

— Знать о поиске и согласиться на перевод — разные вещи.

Она уперлась ладонями в край стола.

— Вы собираетесь написать об этом в иске?

— Я собираюсь не утверждать, что только Игорь распоряжался общими средствами без согласия. Операцию раскроем в пояснениях и предложим вернуть сумму или зачесть ее при разделе. Сначала определим источник возврата.

— Если я верну деньги, у меня не останется запаса.

— Тогда обсудим законное финансирование с сестрой и вашими личными средствами.

Но вы не можете требовать прозрачности от него и оставлять собственную операцию в тени.

Мария встала.

— Мне надо подумать.

— Думайте. Иск подаем сегодня, потому что риск со складом не исчез. Но до следующего документа мне нужен ваш ответ.

Она надела пуховик и ушла. Артем проводил ее до лифта, вернулся и положил на стол лист с номером инцидента, под которым передал запись машины полиции.

— Вы всегда так разговариваете с человеком, которому нужна ваша помощь? — спросил он.

— Если человек скрывает от меня пять миллионов — да.

— Она может уйти к другому адвокату.

— Может.

— Вас это не пугает?

— Пугает проиграть дело из-за факта, который противная сторона знает лучше меня.

Он принял ответ и вышел в приемную.

К трем часам заявление и иск ушли через электронную систему. Я получила подтверждение регистрации и отправила Марии номер дела. Через несколько минут она ответила: «Верну деньги. Нужны два дня».

Я написала: «Завтра обсудим источник и порядок. Ничего не переводите без согласования».

В пять Артем вошел с планшетом.

— Мне нужен ваш календарь за последние семь дней и список устройств с активными сеансами.

— Почему сейчас?

— Машина приехала к зданию оценщика в одиннадцать двенадцать. Мы выехали из бюро в одиннадцать пять. Ее водитель знал место заранее, а не следовал за нами.

— Адрес был у меня в календаре.

— И у Марии?

Я открыла переписку. Накануне вечером отправила ей подтверждение встречи, и сообщение автоматически добавилось в календарь по ссылке.

Артем стоял на другой стороне стола, не заглядывая в экран.

— Кто-то видит расписание раньше нас, — сказал он. — Пока не найдем источник, меняем способ планирования.

За день до этого я считала, что неизвестный просто наблюдал за входом. Теперь стало ясно: он получал наши планы до того, как мы садились в машину.

ГЛАВА 4. Запрет на продажу

Определение суда пришло в личный кабинет в восемь сорок утра. Судья запретил Игорю Корнееву отчуждать долю в операционной компании, а самой компании — распоряжаться правами на склад до разрешения спора. На грузовики, счета и текущие договоры ограничения не распространялись.

Я прочитала резолютивную часть, затем мотивировку. Суд принял именно тот объем мер, который мы обосновали. Просить больше было бы проще на бумаге и хуже для бизнеса.

— Получилось? — Лена остановилась в дверях с двумя папками.

— Частично. Так и должно быть.

— Марии звонить?

— Я сама.

Мария ответила сразу.

— Запрет есть, — сказала я. — Долю и склад до решения суда не продадут без последствий. Операционная работа продолжается.

— Игорь уже знает?

— Суд направит документы сторонам. Мы не будем устраивать ему сюрприз, но сначала получим исполнительный лист и передадим куда требуется.

— Он придет в ярость.

— Это не юридическая категория.

— Для тех, кто рядом с ним, вполне практическая.

— Вы сегодня возвращаете деньги?

— Сестра оформляет заем мне лично. К вечеру будет сумма.

— Пришлите проект до подписания. Деньги должны пройти понятным путем.

Она согласилась без прежнего спора. Я сохранила определение в папку дела и вышла в приемную.

Артем разговаривал с нашим системным администратором. Они проверяли журнал входов в рабочий календарь, но ничего подозрительного пока не нашли. Все сеансы принадлежали мне, Лене и Алле Борисовне. Пароли сменили, двухфакторную проверку включили. Артем не выглядел довольным чистым результатом.

— Утечка может быть не у вас, — сказал он. — Встреча была в календаре Марии.

— Ее телефон проверим с согласия. Сегодня она приедет в четыре.

— До этого суд?

— Мне нужно получить документы для исполнения. В одиннадцать.

— Маршрут известен кому?

— Вам, мне, Лене и суду. В календарь не вносила.

— Едем двумя машинами. Максим впереди, мы во второй.

— Почему меняется схема?

— Вчера нас ждали у оценщика. Сегодня хочу отделить вашу машину от разведки маршрута. Если это наружное наблюдение, оно проявится.

— Принимается.

Он на секунду задержал на мне взгляд, словно ожидал возражения и не приготовил следующую реплику.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Вы впервые приняли изменение с первого объяснения.

— Не привыкайте. Просто объяснение было хорошим.

В десять двадцать мы выехали. За рулем второй машины сидела Ирина, отдохнувшая после ночной смены. Артем устроился рядом со мной. Между нами лежал закрытый подлокотник, и это расстояние я замечала чаще, чем требовала безопасность.

— Как долго вы этим занимаетесь? — спросила я, когда мы остановились на светофоре.

— Личной охраной — восемь лет. До этого работал в патрульно-постовой службе, потом прошел подготовку в организации.

— Почему ушли из полиции?

— Не из-за красивой трагедии. Зарплата, график, отсутствие перспектив. В частной охране тоже хватает плохих дней, но я могу выбирать команду.

— И клиентов?

— Иногда.

— Меня выбирали?

— Меня назначил руководитель. Я согласился после первичного отчета.

— Значит, могли отказаться.

— Мог.

— Почему не отказались?

Он посмотрел на зеркало, дождался, пока машина сзади перестроится, и только потом ответил:

— Угроза связана с вашей работой. Такие клиенты обычно понимают, что действия оставляют документы и последствия. С ними проще договариваться.

— Обычно?

— Вы успели внести три поправки в приложение за пять минут. Я сказал «проще», а не «легко».

Я улыбнулась и открыла судебное определение, чтобы не продолжать разговор.

Возле суда Максим остановился у служебной зоны и сообщил, что подъезд чист. Артем проводил меня до рамки контроля. Внутри зала и канцелярии он не заходил, ждал в общем коридоре, где не мог слышать разговоры по делу.

Документы выдали через сорок минут. Сотрудница канцелярии объяснила порядок, поставила отметки и передала заверенную копию. Я позвонила помощнику пристава, затем направила уведомления в регистрирующие органы по установленной процедуре. Это не выглядело как победа: несколько подписей, номера исходящих, проверка приложений. Именно так обычно и защищалось имущество — без эффектной речи перед залом.

На выходе Артем попросил задержаться у внутренней двери.

— Максим видел серый кроссовер на соседней улице. Сейчас машина движется к центральному входу.

— Наш план?

— Вариант первый: выходим через восточный вход, садимся к Ирине и уходим по заранее проверенному маршруту. Максим фиксирует кроссовер и не вступает в контакт. Вариант второй: остаемся внутри, вызываем полицию и ждем. Оснований для задержания машины у нас нет, ожидание может занять час.

— Восточный вход.

Мы спустились по другой лестнице. Артем шел на полшага впереди, не заслоняя мне обзор. У дверей он остановился, выслушал сообщение в гарнитуре и коротко сказал:

— Сейчас.

До машины было двадцать метров. Ирина уже открыла заднюю дверь со своей стороны. Мы сели. Артем дождался, пока я пристегнусь, и только после этого дал знак водителю.

Машина повернула направо, потом ушла на параллельную улицу. Через зеркало я увидела серый кроссовер. Он выехал из ряда через две машины и двинулся за нами.

— Подтверждение, — сказала Ирина.

— Вижу. Максим остается сзади, — ответил Артем.

Он включил запись на служебном телефоне и назвал время, улицу, направление движения. Кроссовер держался на расстоянии, не приближался, на перекрестках проходил тот же сигнал. Ирина не ускорялась и не нарушала. Она проехала мимо поворота к бюро, направилась к крупному торговому центру, где было несколько въездов и пост охраны.

— Почему не в офис? — спросила я.

— Там ваш обычный адрес и сотрудники. У торгового центра можно уйти на закрытый уровень и сменить машину. Либо остановиться у поста. Как только разорвем наблюдение, предложу варианты.

Кроссовер приблизился. Я различила мужчину за рулем, но кепка и стойка кузова закрывали лицо. На лобовом стекле возле пассажирской стороны висел пропуск: белый прямоугольник с темно-зеленым кругом.

— Увеличить запись сможете? — спросила я.

— Регистратор пишет в хорошем качестве.

— На пропуске логотип.

Артем повернул служебный телефон, не меняя положения тела.

— Где?

— Нижний угол стекла. Зеленый круг, внутри три буквы. Похоже на «СГК».

— Запомнил.

Ирина свернула к крытой парковке. Шлагбаум поднялся по билету, наша машина ушла на второй уровень. Артем связался с охраной торгового центра, назвал договор и попросил встретить нас у внутреннего входа. Максим продолжал следить с улицы.

Серый кроссовер не въехал. Он проехал мимо шлагбаума и остановился у соседнего выезда.

Ирина поставила машину между двумя колоннами. К нам подошли двое сотрудников охраны центра. Артем объяснил ситуацию, показал удостоверение и попросил сохранить записи камер. Меня проводили в служебную комнату возле администрации.

— Сколько ждем? — спросила я.

— Пять минут. Потом пересядем в машину Максима на нижнем уровне. Серый кроссовер видит этот выезд, но не второй.

— Полицию вызываем?

— Я уже передал Сафину номер инцидента и текущие данные. Нарушения со стороны водителя пока не зафиксированы. Запись движения и камеры передадим официально.

Он присел напротив. Комната была тесной: стол, два стула, шкаф с жилетами. За стеной работала вентиляция. Я держала папку с судебным определением на коленях и вдруг обнаружила, что пальцы сжимают ее край сильнее необходимого.

— Вам страшно? — спросил Артем.

— Да.

Он не стал говорить, что все под контролем. У нас не было таких оснований.

— Что сейчас поможет?

— Понимать следующий шаг.

— Через две минуты Ирина выйдет первой и проверит коридор. Мы спустимся служебным лифтом. Максим подаст машину к двери. До бюро поедем другим маршрутом, въезд проверит еще один экипаж. Если кроссовер появится, едем в отдел полиции.

— Хорошо.

— В определении все, что вы просили?

Переход к моему делу был намеренным. Он возвращал мне область, в которой я знала порядок.

— Почти. Суд не запретил менять директора общества, но это и не требовалось для защиты доли. Склад заблокирован для продажи, текущая работа не остановлена.

— Значит, сегодня вы сделали то, ради чего ехали.

— Суд сделал.

— Вы подготовили основания.

Он произнес это без комплимента, как факт из отчета. Мне стало легче дышать, и я разжала пальцы.

Ирина постучала два раза. Мы вышли, спустились и сели в другую машину. Серого кроссовера у второго выезда не было. Максим сообщил, что водитель уехал в сторону центра сразу после нашего въезда.

В бюро я передала документы Лене, связалась с приставом и регистрирующими органами. К двум часам основные уведомления были отправлены. Игорь Корнеев позвонил мне сам.

— Ксения Андреевна, вы решили остановить компанию? — начал он без приветствия.

— Определение не затрагивает текущие перевозки и счета.

— Вы запретили распоряжаться складом, который требует вложений.

— Вопросы по делу направляйте через представителя.

— Мария не понимает, что делает. Через месяц у нее не останется денег на этот процесс.

— Это ваша оценка.

— А охрана возле вашего офиса — ваша? Вы собираетесь представить меня уголовником?

— Я не обсуждаю меры безопасности.

— Мне сообщили о записке. Я к ней не имею отношения.

— Тогда вам нечего опасаться проверки.

— Я опасаясь, что вы разрушите работающий бизнес ради красивой позиции в суде.

— Если хотите сохранить бизнес, раскройте документы по долгу и предложению о складе.

Он отключился первым.

Разговор не доказывал его причастность. Игорь мог быть искренне возмущен, мог считать угрозу чужой инициативой или заранее готовить объяснение. Я записала время и содержание разговора, отправила краткую справку Сафину.

В четыре приехала Мария. Она подписала договор займа с сестрой и предъявила выписку: пять миллионов поступили на ее личный счет, оттуда были возвращены «Северному маршруту» с назначением платежа «возврат ошибочно перечисленных средств». Я попросила бухгалтера проверить проводки и подготовила уведомление для материалов дела.

— Игорь звонил, — сказала я.

— Мне тоже. Кричал, что из-за меня банк заморозит финансирование.

— Определение не касается кредитных линий. Но банк может задать вопросы из-за самого спора. Это обычный риск.

— Он сказал, что вы натравили на него полицию.

— Полиция проверяет угрозу. Я никого не называла виновным.

Мария посмотрела на Артема за стеклом.

— Может, правда остановиться? Забрать квартиру и хоть что-то.

— Вчера вы хотели, чтобы он перестал решать, сколько вашей работы принадлежит вам. Сегодня ничего в документах не изменилось. Изменилась цена давления.

— Вы говорите так, будто самой вам легко.

Я вспомнила серый кроссовер в зеркале.

— Мне не легко. Но решение все равно должно основываться на цифрах и последствиях. Если захотите выйти из спора после полной оценки — я помогу оформить безопасное соглашение. Сейчас полной оценки нет.

Она провела пальцем по краю выписки.

— Продолжаем.

После ее ухода Артем принес кадр с регистратора. Изображение пропуска удалось увеличить. На нем действительно был зеленый круг и название «Статус-Гард». Ниже стоял номер временного допуска на территорию промышленной площадки.

— Что это за фирма? — спросила я.

— Частный подрядчик. Охраняет склады, стройки, иногда предоставляет транспорт. Мы не будем запрашивать их данные напрямую. Я передал кадр Сафину.

— Вы их знаете?

— Название встречал. Конкретных людей — нет.

Я ввела название в открытый реестр. Компания существовала шесть лет, руководитель менялся весной. На сайте среди клиентов значился «Северный маршрут».

— Вот связь, — сказала я.

— Связь подрядчика с компанией. Не водителя с угрозой и не Игоря с водителем.

— Я знаю разницу.

— Поэтому и напоминаю один раз.

Я посмотрела на него поверх экрана.

— А другим приходится больше?

— Обычно значительно.

Семьдесят два часа истекали на следующий вечер. Я открыла договор и продлила охрану еще на неделю до повторной оценки риска. На этот раз Артем не предлагал. Решение приняла я.

ГЛАВА 5. Общий доступ

Мария приехала в понедельник с двумя телефонами, планшетом и уверенностью, что Игорь взломал все сразу.

— Он знает, где я бываю, — сказала она, выкладывая устройства на стол. — Вчера сестра отвезла меня к знакомым за город. Через час Игорь написал, что мне не стоит прятаться у чужих людей.

— Вы публиковали фотографии? — спросил Михаил Гребнев, технический специалист «Рубежа».

— Нет.

— Геолокация была включена?

— Наверное. Я пользуюсь навигатором.

— Это не означает, что данные доступны другому человеку. Сначала посмотрим разрешения и активные сеансы.

Он положил перед ней согласие на проверку. В документе перечислялись конкретные действия: настройки учетных записей, список подключенных устройств, разрешения приложений, журналы входа, резервные копии. Содержимое переписки и клиентские документы проверка не затрагивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.